

УДК 81

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СУДЬБА В ТРАГЕДИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «АРИАДНА»

Сухова А.В.

*Ивановский государственный политехнический университет, Иваново,
e-mail: suhova-av@yandex.ru*

В статье представлен анализ трагедии М. Цветаевой «Ариадна» в аспекте трансформации поля концепта СУДЬБА в идиолекте поэта. Исследование индивидуально-авторской репрезентации концепта позволяет выявить пути «освоения» художником слова литературной традиции, расширить представления о поэте как о языковой личности и тем самым обрести новые возможности для интерпретации и понимания его произведений. Специфика интерпретации Цветаевой мифологического сюжета, который является основой произведения, состоит в противопоставлении СУДЬБЫ (как волевого усилия Тезея, которое позволяет ему сделать выбор между страстью и мечтой, частью и вечностью) и РОКА (как высшей силы, определяющей выбор человека). Наличие «доброй воли к жертве» и способность «сразить собственное жадное сердце» делает героя Богом – репрезентантом / каузатором концепта СУДЬБА.

Ключевые слова: идиолект, концепт, репрезентация, судьба, воля, честь

REPRESENTATION OF THE CONCEPT SUD'BA («FATE», «DESTINY», «FORTUNE») IN TSVETAEVA'S TRAGEDY «ARIADNE»

Suhova A.V.

Ivanovo State Polytechnical University, Ivanovo, e-mail: suhova-av@yandex.ru

The paper presents the analysis of Tsvetaeva's tragedy «Ariadne» in terms of transforming the field of the concept SUD'BA («fate», «destiny», «fortune») in the poet's idiolect. Investigation of the individual author's representation of this concept allows to reveal the ways of the literary tradition «mastery» (development / exploring) by the writer, to expand the impression about the poet as on the linguistic person and thereby gain the new opportunities for interpretation and understanding of his pieces of work. Specifics of Tsvetaeva's interpretation of a mythological plot, which is a basis of the tragedy, consist in opposition between DESTINY (as Tezey's strong-willed effort which allows it to make a choice between passion and dream, part and eternity) and FATE (as the highest force defining the person's choice). Existence of the «good will to the victim» and ability «to strike own greedy heart» give the chance to comprehend the hero as God – representant / kauzator of the concept SUD'BA.

Keywords: idiolect, concept, representation, destiny, will, honor

Исследование концепта СУДЬБА в прозаическом [9] и поэтическом тексте [15] имеет традицию. Рассмотрен он и как составляющая поэтического универсума М. Цветаевой [1]. Однако цветаевская трагедия «Ариадна», в которой реализовано специфическое представление поэта о судьбе, осталась за пределами внимания исследователей.

В Сводных тетрадах мая 1923 года Цветаева дает свое категоричное и точное определение: «У каждого свое повторяющееся событие в жизни. Это и есть «судьба». (То, что мы помимовольно и непреложно, одним явлением своим на пороге – вызываем. Следствия, вырастающие из ходячей причины – нас)» [19, с. 235]. И это утверждение позволяет констатировать, что для поэта «структура судьбы – от плана выражения ее до плана содержания – определяется человеком /.../ в двояком смысле – пассивно и бессознательно, судьба справедлива и поэтому, каков человек, такова и она: ее решения как бы подстраиваются к тому, что есть сам человек, но и активно и намеренно (человек как кузнец своей судьбы, своего счастья)» [16]. Данный подход, безусловно, не является

специфическим с точки зрения «диахронии» как истории представлений о предмете/явлении, именуемом «судьба»: достаточно вспомнить античный афоризм «Каждому человеку судьбу создают его нравы» или наблюдение Новалиса: «Судьба и характер – это разные названия одного и того же понятия». Однако «синхрония», рассматриваемая нами в контексте литературного и общекультурного процессов как собственно творчество Цветаевой, дает возможность наблюдать особую реализацию представлений поэта: «Чистые лирики, в большинстве своем /.../ – вундеркинды в буквальном смысле слова, с неусыпным ощущением судьбы, то есть себя» [20, 5,2, с. 82].

В идиолекте Цветаевой, который являет собою «систему речевых средств индивидуума, формирующуюся на основе усвоения языка и развивающуюся в процессе жизнедеятельности данного индивидуума» [23, с. 9], концепт СУДЬБА представлен целым рядом репрезентации, актуализации которых определяется контекстом произведения в его интертекстуальном взаимодействии. Греческая мифология, лежащая в основе повествования и преисполненная

образами-воплощениями Судьбы¹, безусловно, определяет появление в трагедии целого ряда специфических репрезентаций судьбы, явленных как прямое название («Будь то хоть сам Зевес / С Мойрами вкупе» [20, 3,2, с. 277]) или как аллюзия («Судьбы твоей волокна / Ведомы ль тебе?» [20, 3,2, с. 270]). Но цветаевское переосмысление мифа, ее погруженность, с одной стороны, в «русское», национально самобытное² представление о судьбе³, а с другой – ориентир на «западную драму», которая всегда «есть драма характеров и развития», тогда как греческая – «всегда драма положений и ситуаций» [11, с. 46] и, наконец, особый – «современный» (в противоположность античному) – взгляд на оценку понятия «судьба» и ее переживание, отличающиеся от восприятия «аполлоновской души», у которой «не было чувства логики судьбы» [11, с. 49] – все это обусловило специфику представления в тексте драмы анализируемого нами концепта.

В «Ариадне» Цветаевой поле концепта СУДЬБА не просто пересекается с полем концепта ВОЛЯ⁴, но значительно покрывается им. Причем в идеолекте поэта находит отражение «сакральное содержание» воли, предполагающее, по мнению О.И. Митрофановой, что «первоначально воля была «желанием» – то была воля Бога, которая всегда блага, истинна и вечна» [14]: «Высшей воли ее зеркало, / Только вестницею предстала, / Только волю ее изречь...» [21, 3,2, с. 262]. В тексте трагедии мы наблюдаем, как герой, реализующий свою волю – «Выше сил человеческих – / Подвиг!» [20, 3,2, с. 284] – сам превращается в «бога». Причиной тому может быть «интеграция в лексическом значении слова «воля» сем 'желание', 'выбор', 'власть'» [8]. Носи-

телем волевого начала в повествовании М. Цветаевой является главный герой трагедии – Тезей. Предрекая Ариадне встречу с тем, кто «меж единственными – один» [20, 3,2, с. 259], Афродита характеризует его: «Он и в путях пребудет волен, / Он и в кознях пребудет чист» [20, 3,2, с. 253]. Сам Тезей, повествуя о себе Миносу, признается: «Не по жребию, а по воле / Здесь, – вечернею жертвой лечь...» [20, 3,2, с. 256]. Волю Тезей называет «мощь, / Давшая – оном лечь / Клятву» [20, 3,2, с. 260] и противопоставляет покорности: «Не осиленным распростерся, / Волей Миносу отдался!» [20, 3,2, с. 261]. Воля в данном контексте предстает как «синтез разумной оценки и стремления».

В своем трактате «Я и Ты» Мартин Бубер отмечает: «В волеии свободного человека нет произвола. /.../ Он верит в предназначение и в то, что оно нуждается в нем /.../. Будет не так, как это подразумевает его решение; но то, что сбудется, произойдет лишь в том случае, если он решится на то, что может хотеть. Свою малую волю, несвободную, подвластную вещам и влечениям, он должен пожертвовать своей великой, которая уходит от предопределенности и приходит к предопределению. Тогда он уже не вмешивается и при этом все же не дает просто случаться тому, что случается» [2]. Таким образом, литературный концепт ВОЛЯ коррелирует с философским, ведь волевое начало Тезея проявляется в выборе, который он делает, отрекаясь от «славы будущего Геракла» и «мириад дел несвершенных и несвершимых» [20, 3,2, с. 258] и тем самым реализуя свое главное предназначение. Отказ этот обусловлен приоритетом «неплавкого алмаза» «чести» над утратой возможности прославиться, стать «эхом в груди певцов» [20, 3,2, с. 258]. Таким образом, в тексте трагедии актуализирована важнейшая для волевого акта необходимость в понимании субъектом ценностной характеристики цели, которая требует усиления воли [14, с. 244].

Необходимость почитания законов («Чтите чужого, – / вот вам закон» [20, 3,2, с. 250]) и заповедей («Царь! – Три заповеди / Должно чтить. / Нет родных тебе, / Нет чужих тебе» [20, 3,2, с. 246]) становится причиной самовольного отъезда Тезея на Крит и одновременно благосклонного к нему отношения Посейдона⁵. В этом Цветаева достаточно точно воспроизводит специфику древнегреческого понимания судьбы как

¹ Случайность, случай – Тихе; необходимость неизбежность – Ананке; участь, удел – Мойра; справедливость, приговор – Дике.

² «Словотворчество, как всякое, только хождение по следу слуха народного и природного» [21, 5,2, с. 41].

³ «Главным отличием концепта русской судьбы от всех остальных является то, что ее можно найти, потерять, создать, обрести, связать и т.д. Судьбу у человека могут украсть, купить и т.д. Иначе говоря, отношение к судьбе как к некоей вещи, находящейся в распоряжении человека, является уникальным феноменом русской культуры», – отмечает Сергей Евтушенко [6].

⁴ В.Г. Так отмечает: «Судьба есть движение жизни, изменение в положениях человека. Это изменение может быть зависимо или независимо от чьей-либо воли (соответственно – несвободно или свободно). В свою очередь, носителем (источником) воли, определяющей путь и его изменения, может быть сам человек или нечто, постороннее ему. Источником изменений, находящимся вне человека, может быть божество или иной распорядитель судеб, либо ни от кого не зависимый рок, предназначение, куда даже боги не смеют вмешиваться» [4].

⁵ В тетрадах на начальном этапе работы над пьесой М.И. Цветаева задается вопросом: «Посейдон, покровитель Тезея, обещал ему исполнить три желания. (За что? Почему?)» [19, с. 249].

безличной силы: «В древнегреческих представлениях о судьбе нашло свое выражение сложное, даже противоречивое сочетание, с одной стороны, индивидуалистической тенденции, и с другой – сохранения абсолютной зависимости индивида от социальных структур, связанных с уходящей в прошлое первобытнообщинной формацией, для которой характерна невыделенность индивида» [5, с. 172]. В диалоге с Ариадной, предлагающей Тезею «нить и меч», герой, сохраняя верность данному слову, представляет целый ряд «определений» чести, объясняющих как ее природу, так и свойства: «Меж мечом и рукою – уст / Клятва. Правой моей поднят! / Меж рукою и рукоятю – / Честь, безжалостнейший канат. / Мною данную клятвой – взят» [20, 3,2, с. 261]. Честь оказывается выше власти отца и красоты возлюбленной. Уязвленная честь, по мнению Тезея, «чудовищнее стократ Минотавра» [20, 3,2, с. 262]. И даже прощение Миноса не умаляет ее требований, потому что «Честь – безжалостнейший истец» [20, 3,2, с. 262]. Герой трагедии принимает, «преклоняясь» [20, 3,2, с. 262], дары Афродиты из рук Ариадны, отрицая при этом предполагаемое ею подчинение воле божеств. На утверждение героини: «Но твоих воспаленных бредом / Уст – заране ответ мне ведом: / «Божества над мужами есть / Власть безжалостнейшая», – герой отвечает: «Несть» [20, 3,2, с. 262]. Тезей и «Миносу нарушил верность». В тексте пьесы Цветаева не называет точно причину этого, но она прояснена в черновых тетрадах: «То, что не могли над тобой ни мои слезы, ни моя красота, ни – ни – смогло одно имя богини. Покоряясь ее велению ты нарушил клятву Миносу» [19, с. 297].

Являясь воплощением «мощной, пронизывающей весь мир любви» [10, с. 134], Афродита тоже так и не становится покровительницей героя и его владычицей. Причину этого мы видим в том, что в цветаевском тексте за Тезеем сохраняется и абсолютизируется репутация ослушника и дерзостного героя, приписываемая ему античной традицией [20, с. 504]: он пытается отстоять своеволие, и в ответ на предупреждение Ариадны: «Нечеловечью чтить / Волю, – богам служить», – отвечает: «Одна мне власть – / Страсть моя!» [20, 3,2, с. 271]. В одном из определений понятия «воля» есть указание на то, что «для волевого акта характерно не переживание «я хочу», а переживание «надо», «я должен»» [20, с. 244]. Тезей Цветаевой принимает на себя «сан» богоборца: «У самого Зевеса / Выхвачу!» [20, 3,2, с. 272]. «Страсти моей – сама / Ты не вечнее!» [20, 3,2, с. 276] – произносит он и в адрес «в гроте и в чаше» Цар-

ствующей. Ариадна уверяет героя в том, что его своеволие и «святотатство» недопустимы, невозможны: «Двоим не служат, / Муж! Ни доли, ни родства / Мужу, кроме божества!» [20, 3,2, с. 272]. Но Тезей не прислушивается к ее пророчествам и предупреждениям, предпочитая смерть.

Причина вторичного нарушения Тезеем клятвы, данной «Деве низин и ниш», как предполагалось автором трагедии, будет заключена в том, что «Дионис – искуситель» [19, с. 187], «Тезей соблазнен Дионисом», «он, очевидно, хочет и Тезея, он хочет доброй воли Тезея к жертве» [19, с. 299], Тезею «надлежит быть ее (Ариадны – авт.) судьбой» [19, с. 300]. В окончательном варианте текста Вакх требует: «Не смущай ее выбором, / Сам за деву ответь» [20, 3,2, с. 282], – и Тезей «обрекает» Ариадну на вечную молодость и бессмертие, став тем самым, по мнению Диониса, божеством. Кроме того, Цветаева вводит еще одно важное основание для клятвоступления Тезея: Вакх на упоминание героя о слове, данном Афродите, отвечает: «К Минотавр в пещеру / Шедший кротче тельца... / Все величия платны – / Дух! – пока во плоти. / Тяжесть погранной клятвы / Естеством отплати» [20, 3,2, с. 284]. Ариадна еще более точно определяет причину: «...Как Миносу нарушил / Верность, /.../ так и брак / С дочерью его расторгнешь» [20, 3,2, с. 272]⁶.

В.Н. Топоров утверждает: «в точке встречи человека с судьбой ему открывается смысл парадокса смертности и бессмертия, обратимости и необратимости времени и причины-следствия, детерминизма мировых сил и собственной свободы воли» [19]. Следовательно, именно в этот момент Тезей должен был либо признать, что Афродита вершит его судьбу, распоряжается его жизнью⁷, либо явить «добрую волю», жертвуя собой «во имя любимой» [19, с. 300], ради ее бессмертия. В связи с этим вряд ли правомерна абсолютизация значения психологического конфликта⁸ в изменении автором

⁶ В черновой тетради причина представлена следующим образом: «Покорившись велению другого божества, ты можешь нарушить клятву Ариадне» [19, с. 297].

⁷ Р.С. Войтехович отмечает: «Если бы Тезей остался «простым героем», полагался только на свои чувства, он остался бы под покровительством Афродиты» [3, с. 239].

⁸ См. комментарии к трагедии «Ариадна» [21, с. 372–373]. А также замечание И. Шевеленко: «Цветаева начинает разрабатывать в рабочей тетради психологическую драму Тезея, ищет возможные мотивировки для его поступка, делая героя едва ли не философом, размышляющим о бренности земной любви» [22, с. 278], – и А. Саакянц: «Для Цветаевой сюжет – лишь внешний повод для путешествия в лабиринте страстей человеческих. И потому ее «Черновая Тезея» – не что иное, как фрагменты истинно психологической прозы» [16, с. 375].

первоначального замысла пьесы. Сам характер героя, противостоящего промыслу, не позволил реализовать первоначальный замысел борьбы «между любовью к Ариадне и страхом божества» [19, с. 187]. По этой же причине произошло смещение акцентов и, как следствие, переименование пьесы⁹, о которых сама Цветаева писала: «Нельзя «Гнев Афродиты» п.ч. вроде «Гнева Диониса» Нагродской, еще потому, что так может называться явно плохая вещь. Лучше просто: Тезей» [19, с. 304]. Хотя мотив наказания клятвопреступника в конце произведения сохраняется и отчетливо звучит из уст самого Тезея: «Узнаю тебя, Афродита!» – как ответ на вопрос прорицателя: «Сын мой, кому повинен / Из роковых?» [20, 3,2, с. 296].

В аспекте взаимоотражения литератур мира, предполагающего, что «все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано *своим*)» [12], мы можем утверждать, что цветаевское «освоение» греческого сюжета проявляется в противопоставлении Судьбы, детерминантом и (как следствие) репрезентантом которой становится «простой герой» [19, с. 303], способный предопределить ход событий, и Рока как высшей силы, которая может мыслиться в виде божества, определяющего выбор человека. Это отразилось в трагическом противостоянии волевого усилия Тезея высшей воле божеств и страсти («Между страстью, калечащей, / И бессмертной мечтой, / Между частью и вечностью / Выбирай, – выбор твой!» [20, 3,2, с. 282]), которая, по верному замечанию Юрия Иваска, являет собою в творчестве Цветаевой «нечто безличное», стихийное, находящее исход в вакхическом рае «бессмертия и красоты», куда «Вакх-Дионис уносит Ариадну» [7, 453], и одновременно – «сама по себе эта стихия – личность, она живет, ищет, борется и – мучается (в противоположность мертвой, ко всему равнодушной динамике бергсоновско-прустовского потока безличной жизни)» [7, с. 452].

Список литературы

1. Белякова И.Ю. О концептах души, судьбы и тоски в поэтическом универсуме М. Цветаевой // *Формула круга*. Сб. статей к юбилею проф. О.Г. Ревзиной. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. – С. 91–99.

⁹ Поражает тот факт, что, несмотря на приведенные в цитате размышления М.И. Цветаевой о возможном названии пьесы, первая ее часть была именована «Ариадна». В контексте пушкинского признания о необходимости назвать роман в стихах именем героини и причин, побудивших автора отказаться от этих планов, можно предположить, что и Цветаева «отдает первенство» герою, следуя логике жанра и логике его характера.

2. Бубер М. Два образа веры. – М., 1995. Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/vera.txt>.

3. Войтехович Р.С. «Ариадна» Марины Цветаевой: поэтика античности // Войтехович Р.С. Марина Цветаева и античность. – М., 2008.

4. Гак В.Г. Судьба и мудрость. – Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/fatum/fatum8.html>.

5. Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. – Новосибирск, 1990.

6. Евтушенко С. Концепты судьбы в различных цивилизациях. Режим доступа: <http://www.arimoya.ru/Astrology/conceptsoftots.html>.

7. Иваск Ю. Цветаева // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Мгновенный след. – М., 2006.

8. Кириллова О.А. Концепт «Свобода» как фрагмент русской языковой картины мира // Язык. Культура. Образование: Сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». – Вып. 2. – Ярославль, 2006. Режим доступа: <http://nikitindima.name/2008/11/07/obshhee-yazykoznanie-stati>.

9. Компанец В.В., Орлова Е.А. Концепт «судьба» в прозе Б. Пастернака // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2007. – № 6. – С. 39–46.

10. Лосев А.Ф. Афродита // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1992. Т.1.

11. Лосев А.Ф. Происхождение античного символизма // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993.

12. Луков В.А. Диалог культурных тезаурусов // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение», 2008, № 9 – Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_Dialogue.

13. Митрофанова О.И. Сакральное содержание концепта воля в поэтическом языке П.А. Вяземского. Режим доступа: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/fourteen/mitrofanova>.

14. Погосян Р.Г. Концепт [судьба] и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2005.

15. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М., 1999.

16. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1988.

17. Тахо-Годи А.А. Тесей // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1992. Т. 2.

18. Топоров В.Н. Судьба и случай. Понятие судьбы в контексте разных культур: сборник. – М., 1994. – С. 38–65. Режим доступа: www.philologoz.ru/concept/toporov_fate.htm.

19. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. – М., 1997.

20. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1997. В тексте статьи указаны том, книга и страницы.

21. Цветаева М. Театр. – М., 1988.

22. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. – М., 2002.

23. Щукин В.Г. Лингвистические аспекты проблемы идиолекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978.

References

1. Beljakova I.Ju. *Formula kruga* [Circle formula]. М., 1999. pp. 91–99.

2. Buber M. *Dva obraza very* [Two images of belief]. М., 1995, available at: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/vera.txt>.

3. Vojtechovich R.S. *Marina Cvetaeva i antichnost'* [Marina Tsvetaeva and antiquity]. М., 2008.

4. Gak V.G. *Sud'ba i mudrost'* [Destiny and wisdom], available at: <http://www.aquarun.ru/psih/fatum/fatum8.html>.
5. Goran V.P. *Drevnegrecheskaja mifologema sud'by* [Ancient Greek mytheme of destiny]. Novosibirsk, 1990.
6. Evtushenko S. *Koncepty sud'by v razlichnyh civilizacijah* [Destiny concepts in various civilizations], available at: <http://www.arimoya.ru/Astrology/conceptsoflots.html>.
7. Ivask Ju. *Marina Cvetaeva v vospominanijah sovremennikov: Mgnovennyj sled* [Marina Tsvetaeva in memoirs of contemporaries: Instant trace]. M., 2006.
8. Kirillova O.A. *Jazyk. Kul'tura. Obrazovanie: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo»* [Language. Culture. Education: Collection of materials of the international scientific conference «Ushinsky's Readings»]. Vol. 2., 2006, available at: <http://nikitindima.name/2008/11/07/obshhee-yazykoznanie-stati>.
9. Kompaneec V.V., Orlova E.A. *Vestnik VolGU. Serija 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Messenger VOLGU. Series 8: Literary criticism. Journalism]. 2007. no. 6. pp. 39–46.
10. Losev A.F. *Mify narodov mira. Jenciklopedija* [Myths of people of the world. Encyclopedia]. Vol. 1. M., 1992.
11. Losev A.F. *Oчерки античного символизма и мифологии* [Sketches of antique symbolism and mythology]. M., 1993.
12. Lukov V.A. *Journal of Computer «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, 2008, no. 9, available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_Dialogue.
13. Mitrofanova O.I. *Sakral'noe sodержanie koncepta volja v pojeticheskom jazyke P.A. Vyazemskogo* [The sacral maintenance of a concept will in P.A. Vyazemskogo's poetic diction], available at: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/fourteen/mitrofanova>.
14. Pogosjan R.G. *Koncept [sud'ba] i ego jazykovoe vyrazhenie v pojeticheskom tekste F.K. Sologuba* [Concept [destiny] and its language expression in F.K. Sologub's poetic text]. Pjätigorsk, 2005.
15. Saakjanc A. *Marina Cvetaeva. Zhizn' i tvorcestvo* [Marina Tsvetaeva. Life and creativity]. M., 1999.
16. *Sovetskij jenciklopedicheski slovar'*. [Soviet encyclopedic dictionary, A.M. Prohorov]. M., 1988.
17. Taho-Godi A.A. *Mify narodov mira. Jenciklopedija* [Myths of people of the world. Encyclopedia]. Vol. 2. M., 1992.
18. Toporov V.N. *Sud'ba i sluchaj. Ponjatие sud'by v kontekste raznyh kul'tur*: [Destiny and case. Concept of destiny of a context of different cultures]. M., 1994. pp. 38–65, available at: www.philologoz.ru/concept/toporov_fate.htm
19. Cvetaeva M. *Neizdannoe. Svodnye tetradi* [The unpublished. Summary writing-books]. M., 1997.
20. Cvetaeva M. *Sobr. soch.: V 7 t* [Collected works in 7 volumes]. M., 1997.
21. Cvetaeva M. *Teatr* [Theatre]. M., 1988.
22. Shevelenko I. *Literaturnyj put' Cvetaevoj: Ideologija – pojetika – identichnost' avtora v kontekste jepohi* [Tsvetaeva's literary way: Ideology – poetics – identity of the author in an era context]. M., 2002.
23. Shhukin V.G. *Lingvisticheskie aspekty problemy idiolektа* [Linguistic aspects of a problem of an idiolect]. L., 1978.

Рецензенты:

Фархутдинова Ф.В., д.ф.н., профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет, г. Иваново;

Тюленева Е.М., д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой теории литературы и русской литературы XX века, Ивановский государственный университет, г. Иваново.

Работа поступила в редакцию 18.02.2014.